

Олег РЯБОВ

г. Нижний Новгород

ПРОПАВШИЙ СЕРВИЗ

Рассказ

1

У Ильи Криворотова родственников не было: ни близких, ни дальних — так он всем говорил. Ну, может быть, очень дальние и где-нибудь очень далеко, потому что у него самого не было ни сестер, ни братьев. И у папы с мамой тоже не было сестёр и братьев, ну а уж дальше-то и родственниками трудно кого-то называть. Хотя у него была троюродная сестра Людмила, которую он помнил с детства и когда-то звал Люсенькой. Была она на несколько лет постарше Ильи, и в детстве они жили рядом: он — на Третьем проезде, а Люсенька со своими — на Дунаевой. Потом все те деревянные дома сломали, и разъехались они по разным концам города. Так вот бабки у Ильи и Людмилы были родными сестрами.

Когда-то очень давно, ещё до революции, эти сестры, Сонечка и Верушка, повздорили меж собой и поругались, да так, что больше друг с другом не разговаривали, а только плевались. Были они родом из крепкой зажиточной семьи: папаша их был купцом второй гильдии, одним из многочисленных братьев

Серяковых, которые когда-то хозяйствовали в Богородске. Настоящие купцы были, записные, о родном городе заботились: электричество по центральной улице, которая сейчас имени Ленина, провели, праздники устраивали, городской каток зимой заливали.

Вот только после смерти маменьки, а девочки ещё совсем маленькими тогда были, папаша сильно запил, схватил белую горячку, сошел с ума. Братья решением семейным лишили его родительских прав, девочек отобрали, а самого отправили доживать в дальнее плохонькое село Престьяны, где отвели ему большой двухэтажный дом с прислугой, и следили, чтобы он в обществе не показывался и фамилию не позорил.

Многие договоренности в купеческом кругу строились на честном слове и никакими бумагами не оформлялись, зато очевидными были все поступки нравственные и безнравственные, а по ним и человек судился, и доверие к себе теми поступками он либо строил, либо терял. Взял на воспитание одну из девочек тех, Верушку, в свой дом компаньон Серяковых фабрикант Кондратьев из Павлова, но-

жами которого пользовалась вся Европа. Был он крестным отцом Верочки. Девочка в доме у него прижилась, относились к ней как к родной: домашнее образование на самом высоком уровне — иностранные языки, музыка, танцы.

А Сонечку забрал к себе пароходчик Солин, что из Жолнина, тоже кока. Солин был крупный делец: первым построил нефтеналивные баржи и таскал по Волге в центр из Астрахани керосин — стал компаньоном Нобеля. В Нижнем Новгороде, пожалуй, и сейчас самый красивый особняк — это усадьба Солина на Черниговской, построенная в стиле итальянского палаццо.

Может, тогда-то и зародилась у сестёр та обида на жизнь, которая их разлучила не по своей воле, переросла в гордость и спесивость, а с годами превратилась в непонятную ревность к успешности сестры.

Потом девочек выдали замуж — в своем кругу, за купеческих сыновей. Правда, надо сказать, что купцами те юноши не стали, а один стал инженером, другой — крупным и известным врачом. Но в приданое обе они получили и собственные дома в центре Нижнего Новгорода с обстановкой, с мебелью немецкой, с коврами персидскими, с посудой, столовым серебром от хороших мастеров и всем прочим, без чего налаживать семейную жизнь сложно.

Такое замкнутое, но дружное сообщество представляло собой нижегородское купечество в конце позапрошлого века. Порядочность и нравственность ценились, да только инфляция какая-то напала на эти качества в последние годы.

Криворотов слышал от матушки про своё давно забытое купеческое происхождение, но никогда этому значения не придавал. Привык. Привык, потому что из-за своей тучной комплекции и обстоятельности в принятии решений со школьной скамьи получил от друзей кличку Купчина. Хотя помнил он, пусть и довольно смутно, свою бабушку Веру, которая в его детстве бесподобно готовила торт «Наполеон» к каждому Новому году.

Жил Криворотов вдвоём со своей мамой: батяка его потерялся где-то ещё в раннем дет-

стве, и вспоминать его дома было не принято. Вармий отслужил, институт окончил и работал теперь спортивным репортёром на телевидении. Планировал он и жениться, только невест у Криворотова было постоянно несколько, и постоянно они менялись — так уж устроен был образ жизни его. А вот работа ему самому очень нравилась: язык у него был просто без костей и голова забита всякой информацией до самого верха. Мог он часами говорить и о бобслее, и о футболе, и о туризме, и о теннисе.

Когда ему позвонила Людмила, его троюродная сестра, которая работала искусствоведом в областном художественном музее, Криворотов несколько разволновался: за последние пятнадцать лет он ее только пару раз и видел на каких-то поминках или похоронах. А тут...

Людмила просила приехать к ней в гости попить чаю и поболтать. Криворотов радостно согласился и спросил адрес.

2

Людмила жила в Нагорном микрорайоне. Одна в двухкомнатной квартире, была она старой девой, внешне мужеподобная, крупная и даже чуть-чуть сутулая. Криворотов обратил внимание на необычный, даже своеобразный порядок в её квартире: подушечки, салфеточки, накидушечки, на столе — ваза с конфетами и печенюшками. В спальню он не проходил, но и в гостиной комнате было на что посмотреть: всё напоминало застывшую театральную декорацию. Особо его заинтересовала большая стена, заполненная фотографиями в рамках. Тут были как старинные, пожелтевшие, с бородатыми мужиками в сюртуках и в шляпах, с орденами на лентах, дамами в длинных платьях, мехах, вычурных шляпках, так и вполне современные, где Люсенька с подругами или она же на теннисном корте с ракеткой в руках. Криворотов захотел поначалу посчитать количество этих фотографий, но потом просто решил, что их больше тридцати.

— Садись за стол, Илья. Я сейчас поставлю чайник, и мы поболтаем.

Людмила ушла на кухню, а Криворотов принялся рассматривать фотографии.

Когда она вернулась, расставила чашки и разлила чай, Илья уже сидел за столом.

— Илья, вот ты человек современный. И как выбили у нас у всех интерес к своему роду-племени, ещё со сталинских времен, так и боимся мы вспоминать историю свою.

— Да нет, не боюсь я, просто интереса к тому не имею, — возразил Илья, хрустя печеньем и запивая горячим чаем.

— Ладно, не оправдывайся. Я тебе кое-что сейчас расскажу и покажу. У тебя-то никаких бумаг, фотографий и документов о своих предках не осталось, а у меня вот кое-что сохранилось. Ты знаешь, что наш общий с тобой предок — это наш прадед, Николай Серяков из Богородска, — купец второй гильдии?

— Знаю.

— Так вот, богатствами он обладал очень солидными, и интересы его коммерческие простирались не только на Ворсму и Павлово. И в Москве, и в Питере, и в Риге, и в Варшаве были отделения у его компании. Ну, точнее будет сказать, что у него с братьями: компания была у них общая. Деньги они зарабатывали сообща, и капиталы у них были общие, а развлекались они кто как мог и кто как хотел. Вот и заказал наш с тобой предок, дедушка Коля, у мастеров ювелиров братьев Грачевых необычный серебряный столовый сервиз на двадцать четыре персоны. Это почти двести предметов общим весом больше пятидесяти килограммов. Это были не просто вилки да ложки, а судки, вазы, солонки, креманки, икорницы. Ты же понимаешь, что яйца Фаберже делал не сам Карл Фаберже, а мастера, которые у него в фирме работали: Михаил Перхин, Раппопорт, Генрих Вигстрем. Сам Карл Фаберже был посредственным мастером, хотя клеймо личное имел, но довольно скромное — К. Ф. А вот предпринимателем был он очень даже удачливым. Ты знаешь, что в Царском Селе стояла воинская часть, в которой служил Сергей Есенин? Так вот всю посуду для Царского Села изготавливали на фабрике Фаберже, и солдаты ели там вилками и ложками, на ко-

торых стояло клеймо «Карл Фаберже». Так и в фирме братьев Грачевых работали замечательные ювелиры, которые много чего умели: конкурировала их фирма с Фаберже. Сейчас я тебе покажу.

Людмила встала, достала из серванта фотографию чуть увеличенного формата на твердом картонном паспарту и положила её на стол.

— Смотри.

На фотографии был зафиксирован большой обеденный стол, весь уставленный серебряными изделиями: вазы для фруктов и ведра для шампанского, соусники и сливочники, кувшины и графины, не говоря уже о вилках, ложках и ножах, ручки которых были выполнены в виде мужских фигур. Да и вазы, и фужеры, и рюмки все держались на плечах человеческих фигурок присевших рабочих — кто с кронциркулем в руках, кто с шестеренкой, кто в поддевке, кто в ватнике, кто бородатый, а кто бритый. Все элементы сервиза были оригинальны и уникальны: ни одна фигурка людская не повторялась, а тонкость и качество были такими, что можно было разглядеть и волосики на головах работяг, и зрачки в глазах.

— Ты приглядишься. Я тебе лупу сейчас дам. Фотография очень качественная — тогда ведь со стеклянных пластин изображения печатались.

Людмила достала из серванта лупу.

— Стоил и по тем временам такой сервиз очень больших денег. Из-за него-то и разгорелся скандал в семье Серяковых. То ли у кого-то из великих князей наш с тобой дедушка Коля этот сервиз перехватил, и братья боялись неприятностей от властей, то ли не те деньги на него потратил, только остуду он от братьев поимел. А куда тот сервиз потом пропал, никто так и не узнал. После революции все эти Кондратьевы, Солины и Серяковы упоролы за границу: у них в банках и в Вене, и в Лондоне счета свои были. Кстати, в Жолнине на кладбище стоят напоминанием о прошлом шикарные надгробья Серяковым, и не одно. И храм в Жолнине, красивый, здоровенный, построили тоже Серяковы. Только наш дедушка Коля перехитрил всех: подписал он дарственную на всю недвижимость, подарил он все цеха,

3

склады, дома местным Советам — то есть советской власти, а сам уехал жить в Престыяны, где у его экономки был маленький домишка-развалюшка, и жил он там с этой старухой. Велел он всем родственникам про него забыть — притворился сумасшедшим. Известно мне, что тот домик в Престыянах в сорок третьем году подмыло паводком от небольшого ручья, который мимо протекал, дом в овраг свалился, старуху задавленной и мёртвой нашли, а деда Колю нет. И могилки от него не осталось. Так вот, моя бабка, баба Соня, — единственная, с кем он общался в то время, и поведал он ей совсем уже перед смертью, что сервиз тот серебряный он в пяти коробах подвесил на крюках в подвале в каком-то из своих домов. И велел он ей про то никому не рассказывать. Вот в чем причина раздора между нашими с тобой бабками — бабой Соней и бабой Верой. К чему я всю эту историю тебе рассказываю? Я ведь в музее работаю и вот недавно в запасниках обнаружила оприходованную, заинвентаризованную серебряную ложку; не смогла я выяснить, кто и когда передал и подарил её музею. Полюбопытствуй.

Людмила снова встала и достала всё из того же серванта ложку и протянула Илье. Ложка хотя и выглядела довольно массивной, но в руке лежала уютно. Заканчивалась рукоятка её поясной фигуркой мужика в картузе. Штихелем были проработаны и доведены до совершенства все волосики, складки на сюртуке и даже зрачки были обозначены.

— Люсенька, так эта ложка из того же сервиза — тут искусствоведом не надо быть. Значит, сервиз-то всё же когда-то раздербанили по частям.

— Не знаю, Илья. Может, эта ложка пропала из сервиза ещё до того, как наш дед решил его запрятать в подпол, а может, и раздербанили, как ты говоришь. Только ведь я — простой искусствовед, а ты — журналист. Может, тебе любопытной показалась вся наша история и захочешь ты покопаться в ней.

— Конечно, любопытно, Люсенька. Давай я на свой айфон пересниму твоё фото и ложечку эту. Посоветуюсь я со своим другом Мишей Жмуркиным, покумекаем мы вместе.

К своему другу Илья отправился в тот же день, не откладывая свои эмоции и впечатления в долгий ящик. Миша Жмуркин был так же, как и Илья, журналистом и работал на радио. Был он по натуре человеком авантюрным — не в криминальном плане и вовсе не любившим какие-то смертельные трюки, а просто любил он всяческие необычные ситуации, в которые, кстати, постоянно и попадал. Из жизненных принципов он во главу угла ставил необходимость дружить с первыми лицами, что не всегда у него получалось. А ещё одной отличительной особенностью Мишиной сущности было его совершенно индифферентное отношение к женскому полу, хотя изредка им и пользовался. Нет, надо отметить, что он безумно любил свою маму и ещё с огромным уважением относился к беременным дамам, считая их всех вообще неземными существами.

Илья позвонил по телефону.

— Миша, нам надо с тобой встретиться и серьёзно поговорить.

— Давай встретимся. Выходи во двор. Или по пивку?

— Да, можно и по пивку. Только потом. Давай в Звездинском скверике через двадцать минут. Хочется нейтральной обстановки. Во дворе — не то!

В сквере пахло сиренью, чирикали воробьи и вызывающе прогуливались весенние девушки. Друзья уселись на скамеечку и Криворотов в течение получаса рассказал Илье всю странную историю с пропавшими сокровищами. Жмуркин внимательно слушал друга и курил.

— Ну и чего тебе от меня надо? — спросил он у Криворотова, когда тот замолчал.

— Как чего? Совета и помощи. Неужели тебе не интересно всё это?

— Интересно. Только что же, ты собираешься ехать в Богородск или в Павлово и ночью отдирать дубовые половицы в этих двухсотлетних домах и шарить по подвалам? А судя по рассказу, твоим родственникам принадлежал не один десяток домов. Вот мне говорили, что

в Павлове и музей, и милиция расположены в таких старинных купеческих особняках; уж не знаю, в твоих или нет. А если мы там найдём эти сундуки с серебром, что мы с ними будем делать? Продадим или подарим местному музею? А если нас с этими пропавшими сокровищами возьмут, то какая статья нам корячится? Вот и думай. По-моему, не надо из этого мероприятия делать секрета, из-за этих секретов и твои прадеды, и твои бабки переругались. Надо организовать кампанию по поиску этих пропавших сокровищ. Знаешь, сейчас директором павловского музея работает Танька Труфанкина, мы с ней вместе учились. Она ещё в институте клинья ко мне подбивала, да так в девках и осталась. Вот они, пропавшие сокровища народные... Твоя сестра Людмила и Танька могли детишек нарожать, а остались никчемными безделушками. Только это к делу не относится. Так вот, я звоню Труфанкиной, договариваюсь о встрече, заказываю редакторскую машину, и мы с тобой едем делать репортаж о нашем замечательном провинциальном музее ножей в городе Павлово. Ты знаешь, мне рассказывали, что там есть такой перочинный ножик — «свинья», в нем двести различных элементов: и ножницы, и отвертки, и шило, и зубочистка. Как тебе такая идея? Сделаем репортаж и про музей, и про пропавший сервис братьев Грачевых. Пусть они сами ищут: главное — его найти.

— Наверное, ты прав. Только обидно: хотелось разбогатеть на старости лет.

— Ну, до старости тебе ещё далеко, а разбогатеть не удастся: характер у тебя не тот, нутро не то!

Танечка Труфанкина была маленькой, аккуратненькой, улыбчивой, курносенькой, фигуристой: и круглая попка, и грудки торчком. Она встречала гостей так, как встречают премьер-министра в областном центре: прямо на крыльце. Разве что полиции не было. А вот чин какой-то из администрации прибыл — и в шляпе, и в галстуке. Журналистов поприветствовал и наказал Труфанкиной везти гостей сразу же на обед со стерляжьей ухой на Оку, на Тёплые пески. В том смысле, что там уже всё

готово и их ждут. Гости наши чуть отбрехали от этого чина, и тот несколько разочарованный уехал: не привык он к таким отказам. За такими отказами могут неприятные последствия последовать.

— Танечка, милая, ты шикарно выглядишь. Пойдём к тебе в кабинет, поболтаем. — Жмуркин обхватил хозяйку за талию и уверенно повёл её по коридору, а та, открыв рот, смотрела на него и не могла вымолвить ни слова против.

В директорском кабинете он представил Танечке своего друга — лучшего репортёра нижегородского телевидения Илью Криворотова. Потом пили чай, заваренный из пакетиков, пока Илья рассказывал про мифический затерянный в подвалах и веках сервис работы братьев Грачевых. Но когда он стал показывать на своем айфоне фотографии, то Танечка вдруг стала очень задумчиво-медлительной.

— А я знаю эту фотографию, — заявила она, — у нас есть такая.

— Не может быть.

— Да, точно есть! Я сейчас Марию Николаевну позову, это наша старейшая экскурсовод и лучший краевед, и нашим архивом заведует тоже она.

Мария Николаевна, женщина в годах и очень серьёзная, с уверенностью заявила, что такая же фотография у неё хранится в папке с описью предметов искусства из особняков Кондратьевых, Гомулиных, Ворыпаевых, Серяковых, всех местных купцов-богатеев тогда уже упраздненного Горбатовского уезда, реквизированных в двадцатые годы и направленных в Москву, в музеи Кремля.

— Там по описи чуть ли не тысяча наименований: и мебель, и картины, и часы бронзовые, и сервисов десятка два, и фотография эта там тоже приложена. Я сейчас всё вам принесу, — с этими словами Мария Николаевна и ушла в свои закрома.

— Как же так, Танечка? Расскажи нам подробнее. Ничего, что я тебя так по-дружески зову?

— Ничего-ничего, меня все так зовут, потому что маленькая я. А ваша история с сервисом

братьев Грачевых закончилась в двадцатые годы, когда «лучший друг Ленина» Арманд Хаммер — слышали про такого? — заключил концессию с советским правительством на вывоз культурных ценностей за границу для продажи всего нашего добра через аукционы антикварные, французские и американские. Он на вырученные деньги закупал и потом поставлял в Советский Союз станки, тракторы, оборудование из США, Англии, Италии.

— Ну, и из Германии, наверное?..

— Нет, Германия в двадцатые годы лежала в таких руинах, что немцы могли только позавидовать нам. Читай Ремарка! Так заботами Арманда Хаммера все яйца Фаберже и тысячи малых голландцев, и полотна Рембрандта, и Рафаэля, и, по всей вероятности, ваш сервиз уплыли в двадцатые годы за границу. Зато наша страна очень скоро стала индустриально развитой державой. А то, что сервиз не выплыл нигде, означает только одно: он в надёжных и добрых руках. Не грустите, ребята.

— Танечка, а ты замуж-то так и не вышла?

— прервал грустную тему Жмуркин.

— Нет, Мишенька, не вышла.

— Что так?

— Да одни идиоты вокруг. Нет, есть один умненький, так у него такая перхоть, что, как только он тряхнёт головой, струпья эти летят у него с головы во все стороны. Нет, как-то раз наш директор департамента культуры, которого вы видели, пригласил меня для разговора к себе. Я пришла, а он — как-то бочком и дверь в кабинет на ключ запер. Поняла я всё — сама дверь открыла и ушла. А не надо было её открывать... Я, Мишенька, тебя всё ждала.

— Ну так вот он я!

— Так ты сегодня приехал, сегодня же и уедешь.

— Могу и остаться.

— Оставайся, я одна живу.

— Замётано! Ты, Илья, давай ищи Марию Николаевну, и она с тобой проведёт расширенную экскурсию по музею, и расспроси её побольше про своих Серяковых. Меня не жди, езжайте с нашим водителем домой, а я буду брать интервью у Танечки.

И он трогательно погладил Танечку по руке.

ОН БУДЕТ ЖИТЬ С НАМИ

Рассказ

Дом стоял посреди села, но выбивался из стройного порядка, несколько углубившись, к тому же сильно скрытый разросшимися кустами сирени, заполнившими палисадник. Трава перед забором была аккуратно скошена, но тропинка, ведущая от калитки к дому, чуть угадывалась, заросшая невероятным по густоте бурьяном из лопухов, полыни и крапивы.

Виктор Александрович Пухов остановил «Лэнд Ровер» перед оградой и, пройдя к своему дому, уселся на верхней ступеньке крыльца. Закурил.

Тут, на крылечке, он ощутил почти лесную прохладу: весь заросший участок, а садом его назвать сейчас никак нельзя было, предста-

вился ему каким-то особым существом. Пятнадцать старых яблонь, стоявших в густой траве, вымахавших почти в человеческий рост, объединялись во что-то единое и цельное, а главное — чужое. Да и сам дом был плотно обвит и укрыт до самой крыши диким виноградом, который ещё называют дамским. Он не просто опутал весь дом — он ещё и свисал с крыши, карнизов и резных наличников причудливыми косами.

«Продали дом, словно предали друга», — дребезжала рефреном в голове фраза из давно забытой песни.

Виктор Александрович продавал родительский дом. Вот приехал попрощаться. Да и за-

чем он ему нужен, этот дом? За пять лет после смерти родителей он бывал здесь, в доме своего детства, где когда-то родился и вырос, три раза. Платил он соседке Серафиме переводом по три тысячи в месяц за то, чтобы она присматривала за домом, а что такое «присматривать», ни Виктор Александрович, ни соседка Сима не понимали. Сима была лет на пятнадцать постарше Пухова, и, когда ему было пять, она была уже невестой на выданье, а теперь, когда ему сорок, она, по деревенским понятиям, вообще уже старуха.

Он поднялся, нащупал на притолоке ключ от входной двери и вошел в избу. Когда-то это был очень крепкий старинный пятистенник с голландкой и большой русской печью, но если даже за очень добротным деревенским домом не ухаживать, то очень быстро он может превратиться в развалюху. Вот сейчас, видимо, и наступал тот критический момент.

И произошло-то всё как-то спонтанно: вчера, пусть и не очень рано, но всё же утром, позвонила знакомая риелторша Альбина и сказала, что есть покупатель на его дом и участок в деревне Ершиха — не хочет ли Виктор Александрович от этого дома избавиться? Был у них когда-то такой разговор. Он спонтанно, не подумавши, ляпнул: «Продавай, оформляй!» Не очень он даже и вникал в то, что говорила ему тогда Альбина по телефону. Про каких-то его знакомых, которые живут в Ершихе и его хорошо знают и у которых друзья хотят купить этот дом; про то, что они уже осмотрели всё: и венцы, и крышу, и печь, и в подвал слезали. Не до того ему было, потому что находился в тот момент на кладбище: вчера хоронил он свою Жанну... свою любимую женщину Жанну. Может, и не очень любимую, но она была матерью его сына Кирилла. А вот сегодня приехал проститься с домом.

Он уселся на лавку, что стояла около печи, и снова закурил. В открытую дверь заползал свежий воздух из сада, разбавляя затхлость, наполнявшую горницу. Половицы кое-где рассохлись, и в щели из подвала пролезли белые голые хвосты, похожие на огромных червей, — плети всё того же дикого винограда,

они завоёвывали новое пространство, расплываясь по полу. Хотя вот в разбитое окно заехала и вполне здоровая зелёная ветвь, полная красивых листьев. В дверном проеме образовался огромный рыжий кот, он внимательно поглядел на Виктора Александровича, зевнул во всю свою огромную пасть и пропал. В детстве в этом доме у Пуховых тоже жил такой же большой рыжий кот. Уж не внук ли? А может, даже и правнук этот котятра тому пуховскому...

Виктор Александрович достал из кармана телефон и набрал номер.

— Альбина, я передумал, не буду продавать дом.

— Ну как же так, Виктор Александрович! Я уже все документы подготовила, и новые хозяева собираются туда, в Ершиху, ехать...

— Ну, как оформила, так и разоформи — не мне тебя учить. А твою упущенную выгоду я тебе компенсирую — ты меня знаешь, не обижу! Подъезжай завтра с утра ко мне. Всё!

Виктор Александрович Пухов был заместителем директора «Городского водоканала» — структуры очень важной во всех старых городах-миллионниках. Что Прага, что Нижний Новгород — везде подземные коммуникации требуют ремонта или даже полной замены. Но в таких мегаполисах масштабная структурная реорганизация подземных сетей невозможна: выселять, что ли, всё население? Вот и копошатся круглые сутки десятки бригад по всему городу, круша дороги и тротуары и устраняя прорывы и другие неполадки. Кто такой директор — понятно, но ведь должен же кто-то ещё и работать. Вот Пухов и был той «рабочей лошадкой», от которого зависела жизнь всего города.

Был он записным трудоголиком — существует ещё на земле такой тип людей. Кроме работы, по большому счёту, его мало что волновало. Даже те несколько строительно-ремонтных организаций, которые он когда-то зарегистрировал и которые фактически принадлежали ему, создавались не для личной финансовой выгоды, а для пользы дела. Хотя в материальном плане был он достаточно обеспеченным человеком: и коттедж за городом

был, и квартира хорошая, двухуровневая в центре города, и даже на Кипре какой-то особенняк ему принадлежал, ненужный, впрочем, как и дом в Ершихе. Мало того, что Виктор Александрович был человеком общительным и коммуникабельным, он был ещё и отзывчивым: никогда и никому он ни в чём не отказывал. Говорил: решим, сделаем, поможем — и решал, и помогал, не требуя ничего взамен. А потому и условных должников у него в городе было изрядное количество. И не только в своём городе! В Москве его тоже хорошо знали те, кому надо, и прочили ему место уже в правительстве страны. Пухов об этом догадывался, такие слухи на пустом месте не возникают.

Серьёзные перемещения на государственном уровне производятся с огромным количеством проверок и рекомендаций. Соответствующие структуры всё и про всех нас знают: не пьёт, не курит, в карты не играет, связей в криминальных структурах и друзей за границей нет — от этого часто зависит карьера государственного служащего. По таким, казалось бы, мелочам строится психологический портрет кандидата, и уже вот по такой справке в значительной мере прогнозируется будущее назначение, и это не шутка.

Сегодня Пухов собрался зафиксировать огромный минус в свою биографию, а возможно, и поставить крест на всей карьере — это решится вечером.

Не сказать, что в семейной жизни у Виктора Александровича было всё замечательно, да и редко у какого руководителя, по уши занятого работой, всё дома гладко. Был он уже десять лет женат на Галине — Галине Георгиевне, которая родила ему двух пацанов. Мишке теперь восемь, а Сашке — шесть. Галина работала в своё время экономистом в городской администрации, но после замужества целиком отдала себя дому, мужу и детям. Она была нормальной умной русской женщиной и прекрасно справлялась со своими обязанностями жены и матери. Дома всегда всё прибрано, уютно и ждут отца. И в садик к младшему, и в школу к старшему она заходила каждый день, и там

смотрели ей в рот, а она готова была всегда помочь — благо, возможности были.

Но вот несколько лет назад узнала Галина Георгиевна, что у её ненаглядного Виктора Александровича есть ещё одна семья. И даже не семья, а просто женщина Жанна, она родила ему мальчика Кирилла, которого Пухов признал за сына. И регулярно он теперь туда навещается и всяческим образом помогает этой Жанне и её сынишке — и материально, и даже квартиру ей выхлопотал двухкомнатную где-то в микрорайоне.

Город-то большой, а вот слой людей, от которых жизнь города зависит, очень тонкий, и шила в мешке не утаишь. Однажды, вернувшись с работы домой, Пухов зашел в спальню, чтобы переодеться, и увидел, что вместо большой супружеской двуспальной кровати теперь там две итальянские полуторные вдоль стен, а между ними два коврика положены, и две прикроватные итальянские тумбы стоят с настольными лампами. Что-то колыхнулось в голове.

А когда он сел за стол ужинать, Галина уселась напротив и заявила:

— Послушай, что я скажу тебе, Виктор. С некоторых пор наш брак превратился в ТОО — товарищество с ограниченной ответственностью. Ты умный человек, и глупостей я тебе говорить не стану. Наша с тобой задача — вырастить мальчиков, и я сделаю всё, чтобы они выросли нормальными мужчинами.

— Я понял, — ответил Пухов, — ты тоже умная женщина, а потому оправдываться не буду. Как скажешь, так и будет.

С Жанной он познакомился случайно в той же городской администрации, что и с Галиной когда-то. Была она маленькой, худенькой, тщедушной, с коротенькими светленькими ресничками, жиденькими волосиками, но улыбалась удивительно, открывая крохотные белоснежные зубки. Что-то болезненное было во всем её облике. Подвёз её как-то раз Пухов после работы домой, Жанна предложила зайти выпить кофе, а он и согласился, и остался. Нехорошее чувство вины образовалось где-то внутри после того случая и перед Жанной, и

перед собой, и главное, перед Галиной. А та, как почувствовав что-то по-женски, на следующий день мимоходом ляпнула:

— Ох, накажет тебя Бог, Виктор. Грешишь ведь!

Он даже не сразу понял, к чему это она.

Главное, не было в той связи никакой страсти, тяги, любви: ну, заезжал он к этой Жанне ещё два или три раза через месяц или через полгода. А потом — беременность и этот мальчик, которого назвали Кириллом. После этого Пухов заезжал в гости уже раз в месяц обязательно, Кирилл называл его папой, а Жанна ни о чём его никогда не просила, ни о чём не спрашивала, а только благодарила.

Недавно, с месяц назад, Жанна заболела, участковые врачи, ни в чём не разобравшись, твердили про какую-то вирусную инфекцию, а когда она уже оказалась в больнице, то был диагностирован острый лейкоз — рак крови. Может, поздно спохватились, а может, судьба такая, только врачи ничего не смогли сделать. И вот после десяти дней, проведенных в больнице, из которых пять дней в коме, она скончалась. Кирилл всё это время жил у Сони, старшей сестры Жанны.

С организацией похорон проблем не было, всем занимались помощники.

На кладбище прощаться, кроме Пухова, пришли две подруги Жанны с бывшей работы да сестра Соня.

— Куда Кирилла денешь? — сухо спросила у него.

— Я всё решу, — жестко ответил и уехал, не простившись.

Прямо из Ершихи Пухов поехал к Соне: благо, до города тут пятьдесят километров — час езды. Та, видимо, ждала его. Махнула рукой в сторону стоящего у двери чемодана.

— Вот вещи его. Подожди минуту, — пошла в комнату и привела мальчика. — А вот и папка за тобой пришел.

— Он знает? — спросил Пухов.

— Знает.

Пухов взял сына на руки и поцеловал его.

— Поедем, — прошептал на ухо.

Дома Галина открыла дверь, а он, держа за руку Кирилла, вошел.

— Он будет жить с нами, — произнес вполголоса.

— Я знаю. Я ждала. Может, я и неправильно поступаю, но мальчик должен расти в семье.

В СТАРЫХ ДВОРАХ

Рассказ

1

Это случилось в середине девяностых, когда все мы ежедневно сталкивались с чем-то необычным и новым: старые законы не работали, а новые правила каждый выдумывал сам для себя и следовал им. Единственной реальной властью в городе были бандитские группировки, и стрельба на улицах не была какой-то редкостью. Миллионные состояния создавались ежедневно, и так же ежедневно они разваливались. Цены на рынке и в магазинах существовали только в условных единицах, а что

это такое — никто не понимал. В некоторых банковских обменниках принимались валюты десятков стран мира, и курс их менялся по нескольку раз в день.

Тёплым летним утром выходного дня Ивана Ильича Медянова разбудил телефонный звонок. Низкий женский голос с чуть заметной хрипотцой представился:

— С добрым утром, Иван Ильич! Вас беспокоит Лиля Ямпольская, я представитель регионального отделения фонда Сороса, и мне бы хотелось с вами пообщаться. Не смогли бы вы со мной встретиться и уделить с десяток минут?

— Да, конечно, смогу, — ответил Иван Ильич, — а зачем?

— О-о, это только при встрече. Когда вам удобно?

— Давайте сегодня после обеда. Куда мне подъехать?

— Нет, нет, нет — я сама к вам подъеду, если это удобно. Я знаю, где вы живёте, училась у вашего папы.

— Конечно, удобно, подъезжайте.

— Удобно, если через час?

— Да-да, подъезжайте, я буду ждать.

Едва положив трубку, Иван Ильич сообразил, что напрасно он так быстро и опрометчиво согласился на эту встречу: и не то чтобы у него были какие-то серьёзные планы на день, и не было у него какого-то предубеждения против упомянутого фонда Сороса. Просто, сев на не убранную ещё постель, он огляделся и понял, что его огромная четырёхкомнатная квартира настолько захламлена, что он никогда не сможет в ней прибраться настолько прилично, чтобы принимать гостей, а тем более даму.

Когда-то он жил в этой квартире с папой, мамой, сестрой и бабушкой, но к сорока годам остался один. Даже жена... бывшая жена, промучившись от его педантичности пару лет, уехала от него в Москву с «мелким театральным деятелем» и гордится теперь тем, что живёт в какой-то халупе рядом с Арбатом и работает дежурным администратором в театре Вахтангова.

Тюлевые занавески, шторы не снимались и были не стираны уже лет десять. То же можно было сказать и о протёртых чехлах на креслах и стульях. Хотя эти столетние дубовые стулья и мощный дубовый обеденный стол могли дать фору по своей надёжности современным творениям мебельных мастеров. Женщине, которая приходила к Ивану Ильичу раз в неделю убираться, подтирать пол, мыть посуду, раковину и унитаз, было строго-настрого запрещено трогать вазы, тарелочки и фотографии, висевшие на стенах, старинные бронзовые часы с фигурой Вольтера, которые давно уже не ходили, и потому зарастало всё это уверенно пылью.

Ивану Ильичу нравилась его квартира, это был его мир, его жизнь; он недавно узнал о таком новом и модном стиле жизни, как «олд-мани», и присвоил его. Он и сам уже привык одеваться в магазинах секонд-хэнд, в которых всегда можно было приобрести очень качественные, просто прекрасные носильные вещи, изготовленные в самых престижных домах моделей Европы. Да и любые мужские аксессуары, которыми приходилось ежедневно пользоваться, можно было приобрести в этих магазинах: зонт фирмы «Оксфорд Блэк», авторучку «Паркер», зажигалку «Ронсон». В школе, где Иван Ильич преподавал математику, отмечали его необычную тягу к элегантности и простоте. Да и сам он был всегда и со всеми предельно вежлив и предупредителен — и с учениками, и с педагогами.

Когда умерла бабушка, а потом почти сразу и мама, проблем с наследованием никаких не возникло: авторитарность папы и его надёжность были гарантией существования и Ивана Ильича, и его сестры Ирины, которая к тому времени уже вышла замуж и жила отдельно. А вот после смерти папы, профессора университета Ильи Александровича, пришлось всё делить. Но решение было найдено легко: автомобиль «Волга» и все деньги на счету в сберкассе переходили к Ирине, а квартира со всем содержимым — Ивану Ильичу. Ирина выпросила только портрет мамы, написанный каким-то модным московским художником много лет назад.

Функционально когда-то все комнаты в квартире использовались очень правильно и конкретно, но теперь Иван Ильич приспособил комнату бабушки и мамы под кладовку, и она была захламлена без разбору, а в комнату папы он заходил от силы раз в полгода, и то без нужды, а просто для приличия — проверить, всё ли на месте, и посидеть в папином кресле. Сам он существовал в двух комнатах: в своей спальне и в гостиной, где по вечерам смотрел телевизор и пил чай, а очень редко — ну, очень редко! — принимал гостей. Такой образ жизни создавал в сознании Ивана Ильича иллюзию, что он по-прежнему живёт в большой своей

семье; просто кто-то куда-то ненадолго вышел и скоро вернётся.

2

Через час Иван Ильич встречал гостей: в дверях стояли две дамы приблизительно его возраста, а может, и чуть постарше. Одеты они были довольно свободно для их возраста, если даже не легкомысленно: джинсы, кроссовки, беленькие футболки. Хотя по фактуре они сильно отличались друг от друга: одна была рослая, с короткой стрижкой «под мальчика», а вторая больше напоминала плюшку с длинными русыми волосами. Обе они почти согласованно протянули руки Ивану Ильичу, представляясь:

— Я — Лиля Ямпольская, а это наша сотрудница Мина Цвайнер, — заявила та, что повыше, черненькая.

— Проходите, проходите в дом, там познакомимся, — ответил Иван Ильич, проводя гостей в зал.

Пройдя в большую комнату, дамы повели себя не то чтобы бесцеремонно, но довольно раскованно: та, что повыше, черненькая, которая представилась как Ямпольская, стала разглядывать фотографии на стенах, а маленькая пухленькая Мина Цвайнер сразу уселась на диван.

— Вы будете пить чай? — спросил Иван Ильич.

— Да-да, будем, — откликнулась радостно Мина, — у нас даже к чаю есть «сопровождение» — небольшой фруктовый рулетик.

Она встала, вынула из своей сумки коробку и положила её на стол.

— А ещё вот это — ознакомительные документы для вас.

Она достала тоненькую папку и положила её рядом.

— Тогда вы тут осваивайтесь, а я пойду на кухню, поставлю чайник. У меня для вас специально сегодня есть замечательный шен пуэр — друзья из Китая привезли. Такие чаи несколько лет выдерживают под прессом в земле. Вы знаете, что настоящий аромат чай при-

обретает в возрасте двадцати-тридцати лет? Хотя мы с вами таких чаёв не попьём. Это как настоящие выдержанные вина. Ну, я сейчас приготовлю, а потом проинформирую вас, как надо пить чай.

Иван Ильич быстро вернулся с кухни и стал доставать из буфета старинные бабушкины чашки, блюдечки, серебряные ложечки, которые всегда береглись для таких случаев, а через пятнадцать минут все уже сидели за столом. Что-то у него сработало в голове, и ему захотелось козырнуть своей эрудицией перед этими незнакомыми дамами, пока ещё не понимая, как это сделать.

— У вас очень необычная квартира, — заметила Мина, — наверное, ещё и ваши бабушка с дедушкой здесь жили? И вот эти чашечки-бокальчики кузнецовские тоже, наверное, бабушкины?

— Да, бабушкины. Бабушка очень требовательно относилась к процессу чаепития. Она раз пять или шесть в день пила чай, и это было для неё чем-то вроде медитации или релаксации, выражаясь современным языком. Притом она считала, что в чаепитии главное не «горячесть», а «чаевитость» — так она выражалась.

— А что же вы не порезали рулетик?

— По поводу рулетика я вам тоже расскажу маленькую историю. Есть у меня хороший товарищ Миша Скульский, он хозяин «Галереи два дробь два», что на площади Минина. Так вот год назад они там с друзьями отмечали тридцать первого декабря наступающий Новый год, а когда второго января пришли на работу, то увидели, что всё оставленное на столе съедобное, неубранное, — сыр, хлеб, колбаса и даже солёные огурцы, — сожрали крысы. И только рулетик стоял посередине нетронутым и сиял своей свежестью. Как фарфоровое красивое украшение. Пусть и наш с вами рулетик будет украшением нашего стола. Хотя я его сейчас, конечно, порежу, и пусть он стоит как муляж. Ведь стоят же у некоторых в вазах пластмассовые и тряпичные цветы — а я этого не признаю!..

— Иван Ильич... — вставила, а точнее будет сказать, сумела вставить Мина.

— Да-да, я помню! И не подумайте, что я вас с кем-то перепутал и пытаюсь охмурить. Я помню, что вы по делу ко мне! Давайте к делу!

— Иван Ильич, — перейдя на серьёзный тон, начала Лиля, — наш фонд Сороса много занимается благотворительностью: вы знаете, что за счет фонда издаются в нашей стране учебники, учителя и ученые получают гранты на исследовательские работы, многие университеты и средние школы существуют только за счет финансирования фондом. Одной из печальных проблем у нас в стране стало повальное пренебрежение властей к научному миру, а как следствие — и к незаконченным научным исследованиям, которые большие, известные, талантливые ученые не смогли довести до конца. Вы наверняка знаете о существовании индекса Хирша?

— Нет, первый раз слышу.

— Поясню коротко. Индекс Хирша составляется по количеству цитирований работ того или иного ученого в специальной литературе. Чем чаще его цитируют и ссылаются на него, тем важнее считаются исследования и научные изыскания автора. Двадцать лет прошло с тех пор, как ушел ваш папа, профессор Илья Александрович Медянов. А его индекс Хирша по-прежнему высок, к его научным работам по-прежнему обращаются, и они до сих пор актуальны и востребованы. Это показатель значимости работ Ильи Александровича.

— Не знаю. Я мало интересовался работами своего папы. Да и его жизнью тоже.

— А вот мы поинтересовались. Он дважды получал государственные премии, а это очень высоко! Первый раз — не знаем за что, а вот второй — за то, что он рассчитал всю автоматику и телемеханику для атомохода «Ленин». Без его труда «Ленин» бы никуда не поплыл.

— Да, мы с сестрой догадались об этом, когда после смерти папы обнаружили наградные документы и орден Ленина. Он получал и Ленинскую премию, и Государственную. Вообще-то, это было большим секретом для всех окружающих — его премии и его орден Ленина.

— Так я продолжу. В городском архиве хранятся отчеты обкома, горкома и пожарной инспекции, а вот бумаги, документы, письма, исследования всех наших провинциальных писателей, художников, ученых идут в помойку и в макулатуру. Я вам «алаверды» тоже расскажу небольшую любопытную историю в виде комментария к нашей встрече. Несколько лет назад наследники профессора Балики передали нашей областной библиотеке в дар его уникальное собрание книг — около трёх тысяч томов. Там были книги с автографами Некрасова, Тургенева, Ремизова, Пастернака. Думаете, им кто-нибудь сказал спасибо? Нет! Его ругали все сотрудники библиотеки: он задал им дополнительную работу, а зарплату им никто не прибавил за обработку всего этого огромного материала. Так вот половину изгрызли крысы в подвале, пока для книг искали специальное помещение. Сейчас в Серпухове, под Москвой, фондом Сороса создается специальный архив, в котором будут храниться документы и бумаги наших великих ученых и деятелей культуры. Мы хотели просить вас о возможности просмотреть архивы вашего папы, если они ещё целы. Может, что-то вам не нужно. Конечно, на личные бумаги, фотографии и альбомы — на всё, что имеет семейную ценность, — мы не претендуем, но незаконченные работы, черновики статей, письма и любые другие бумаги... Ваш папа был одним из любимых учеников академика Горелика. Это важный момент в его жизни. На прошлой неделе мы купили архив профессора Николая Николаевича Кабачинского. Эти шесть папок с черновиками его разработок лежали в саду, в будке, где хранились ведра с лопатами. И ведь не промокли, не сгнили. Иван Ильич, вот тут в пакете, который принесла Мина, есть несколько буклетов о работе нашего фонда и небольшой конверт с нашими визитками и стодолларовой купюрой. Это — аванс. Не отказывайтесь, даже если вы ничего для нас не сделаете. Мы же отняли ваше внимание. А теперь мы раскланяемся. Спасибо за чай и уделённое время.

Иван Ильич, проводив неожиданных и незванных гостей, ещё минут пятнадцать сидел за столом, допивая холодный чай, а потом решил позвонить сестре.

— Ирка, привет! У меня сейчас были посланцы из фонда Сороса. Две дамы. Они просят, чтобы я покопался в папковых старых бумагах и продал им все его бумаги, письма и черновики работ. Как ты думаешь, надо это делать или нет?

— Ты что, дурак, что ли? Продать! Или тебе денег не хватает? У тебя там, в бабушкиной шкатулке, золотых царских червонцев столько, что хватит тебе на всю жизнь, даже если ты жить собираешься до двухсот лет. Ты что, не знаешь, что такое фонд Сороса? Это же разрушители, их цель — развалить всё, что можно. Они во всех странах мира, куда залезают, уничтожают и образование, и культуру, и науку, и память народную. Кстати, это они проплачивают и переманивают работать за границу всех наших талантливых математиков и физиков. А скажи мне на милость, кто у тебя был? Как фамилии этих двух дам, что заходили к тебе?

— Лиля Ямпольская и Мина Цвайнер.

— Вот-вот! Тебе ни о чем не говорят их фамилии?

— Нет. А что они должны говорить?

— Дурак ты, братец! Вот что я тебе скажу! Ты спросил моего мнения — я ответила, а поступай как знаешь и больше мне по этому поводу не звони. Просто запомни, что наш папка — гений, и торговать его бумагами — грех. Когда-нибудь они, его бумаги, сами найдут своё место в этом мире, а мы не вправе решать их судьбу. То, что папка совершил одну ошибку в своей жизни, — это его грех. То, что от этого пострадала вся наша семья, — это наша семейная беда. А то, что собираешься сделать ты, ни в какие рамки не лезет.

— Что ты кричишь на меня? Я же советуюсь. Спасибо за совет.

Иван Ильич положил трубку и пошел в папину комнату. Разговор с сестрой, пусть и на

повышенных тонах, порадовал его и поднял настроение, укрепив в выбранном решении.

В комнате папы были задёрнуты шторы на окнах и было сумрачно, несмотря на яркий солнечный день. Иван Ильич включил верхний свет и обе настольные лампы, стоявшие на двух рабочих письменных столах. Почему-то в комнате было всё аккуратно прибрано, не видно было пыли и не было какой-то той захламлённости, которая раньше резала ему глаза. Видимо, эта женщина Лена, которую ему сосватала сестра Ирка как уборщицу, всё же заглядывала и в папину комнату. Иначе как же объяснить эту чистоту и порядок?

Один небольшой письменный стол с печатной машинкой и стопкой чистых листов уже пожелтевшей бумаги стоял у окна, перед ним — удобное высокое кресло. А второй, огромный, размещался вдоль стены и служил как верстак, для технического «рукоделия»; на нём не было ничего, кроме лампы, небольшой чертёжной доски и зачехлённой готовальни. Вдоль другой стены стояли диван и небольшой шкаф для одежды. Был ещё открытый стеллаж — небольшой, узкий, но до самого потолка; он был полностью забит книгами, папками и альбомами с фотографиями.

Вот эти пять альбомов с фотографиями, в которых было запечатлено всё его сладкое детство, и заманили сегодня Ивана Ильича в комнату папы. Всё, что умел делать профессор Медянов, он делал отлично, а потому и фотографировал он прекрасно.

В двадцатые и начале тридцатых годов в городе шло повальное кооперативное жилищное строительство. Целые участки пустырей на окраинах отдавались под застройку. И вырастали кварталы, которые на многие годы сохраняли за собой имена собственные: «Красный просвещенец», «Дома трестов», «Речники», «Дома политкаторжан». Каждый такой застроенный квартал сохранял за собой некоторую индивидуальность, связанную с профессиональной деятельностью застройщиков. Но ещё существовала и некоторая, если можно так выразиться, усредненная повышенная элитарность того сообщества, которое нельзя

было назвать коллективом, но которое всё же образовывалось внутри этих жилых кварталов. Минуло три полноценных человеческих поколения, и мало осталось в этих домах потомков первых их жителей и строителей, а память о полноценном радостном детстве Ивана Ильича сохранилась благодаря этим папкиным альбомам с фотографиями.

Когда-то посреди двора, заросшего сиренью, жасминами и вишнями, была хорошая волейбольная площадка. И детский уголок с песочницей и барабаном был, и разметка для игры в городки была, и беседка, в которой можно было укрыться от дождя.

Интересный момент: во дворе у четырех человек были собственные автомобили. У Бубанова — «Москвич», он был лауреатом Сталинской премии. У дяди Саши Мальцева тоже «Москвич», он был главным инженером крупного завода и лауреатом Ленинской премии. У Соколова — «Победа», он был в годы войны летчиком. И у профессора Медянова сначала — «Москвич», потом — «Волга».

В альбомах было огромное количество фото, связанных с различными спортивными успехами и забавами, проводившимися во дворе. Вот дядя Лёля крутит солнышко на турнике, а вот Толик Мальцев делает стойку на одной руке, тетя Тася и тётя Лена играют в бадминтон, а площадка размечена и сетка натянута по всем правилам. Иван Ильич хорошо помнил, как папа из очередной командировки привёз большую коробку с этой игрой — там были и ракетки, и сетка, и воланы... Настоящие воланы — с перьями, а не пластмассовые пробки. Переводя инструкцию, написанную на английском языке, он процитировал, подняв палец: «Разрешается ракеткой защищать лицо от летящего волана».

А сколько знакомых лиц в этих альбомах — знакомых, но уже позабытых и ушедших навсегда!.. Вот академик Григорий Григорьевич Девярых, а бабушка звала его Гришкой; когда он защитил докторскую диссертацию, бабушка подарила ему дедову энциклопедию Брокгауза и Эфрона в 86 томах со словами: «Гришка — самый умный из вас, ему пригодится!»

Вообще, портретных фотографий в альбомах довольно много, но все они выполнены не формально, а с изюминкой, изобретательно. Дядя Шура из соседнего дома, заведующий кафедрой на биофаке университета, запечатлён в майке и с курицей в обнимку, он хохочет. А дома, в кабинете у него (а когда-то это был и кабинет его отца), висит огромная картина в золоченой потемневшей раме, на которой изображен океанский пароход «Ниагара», попавший в девятибалльный шторм. Эта картина — память о его отце, который в самом начале двадцатого века участвовал в прокладке трансатлантического телеграфного кабеля из Англии в Канаду. А ещё интересный момент из его жизни: в шестнадцатом году он поехал по заказу пароходства братьев Каменских закупать двигатели в США для Сормовского завода, а вернулся с двигателями уже в советскую Россию в восемнадцатом.

Ростислав Евгеньевич Алексеев — в тельняшке, капитанской фуражке и с мячом в руках. Он учился в институте вместе с мамой, и звали они друг друга в глаза очень нежно Тома и Славик, а за глаза — Томка и Славка. А вот папа никогда не доходил до амикошонства: Ростислав — и всё! Ростислав Евгеньевич часто в те годы бывал в их доме, да и коллективных мероприятий не чурался. Мог и сам организовать поездку на своем катере на волжские пески покупаться. На похоронах Ильи Александровича, куда Алексеев приехал на своей «Чайке», он сказал, что корабли на подводных крыльях ещё долго бы не взлетели, если бы не профессор Медянов. Иван Ильич потом уже узнал, что первые модели Алексеева не выходили на крыло, потому что профиль крыла выполнялся как для самолёта. И только Илья Александрович указал на это Алексееву, на то, что законы аэродинамики отличаются от законов гидродинамики, и рассчитал ему профиль подводного крыла.

Дядя Лёля один из первых в стране получил орден Октябрьской Революции, попал в первый приказ о награждении, и номер у него на ордене двузначный. А вот на фото он совсем несерьёзный: и рот открыт, и глаза скошены

к носу, — артистом Филипповым из «Карнавальной ночи» прикидывается.

Поездки за грибами в Осинки и в Тарасиху, походы на лыжах на Щелоковский хутор большими компаниями, охота, рыбалка, танцы под патефон во дворе — всё было зафиксировано в пяти папиных альбомах. А сколько было домашних праздников! Вот пятилетний Ваня в костюме Пьеро читает стихи под ёлкой. Ёлки тогда организовывались семьями, в которых были дети пяти-семи лет, приглашались их друзья, приходил Дед Мороз, дарил всем подарки. В пакетах были обязательные мандарины, яблоки, шоколадки, конфеты, печенье, а дети читали стихи, стоя под ёлкой на стуле.

Новый год тоже отмечали большими компаниями, и тоже все эти застолья были отмечены в папиных альбомах: и столы, и танцы, и объятия друзей.

А вот и последний альбом, и последняя фотография: на ней красивая женщина вполоборота, кокетливо улыбаясь, смотрит в объектив. Галина Полянская. Иван Ильич помнит её, к тому моменту Полянские только-только появились в компании родителей, её муж тоже был профессором университета. Иван Ильич помнит и их сыновей: Сашка был его ровесником, а Максим лет на пять помладше. Иван Ильич почему-то помнит и тот праздник, ту встречу Нового года: папа танцует с Галиной, что-то ей шепчет, а она хохочет, закидывая голову. Хотя Ивану Ильичу и было-то всего пятнадцать, но он уже мог оценить женскую красоту и женское кокетство. Может, это потому, что он уже в тот момент подсознательно ревновал.

Беда случилась через полгода: на ночной загородной трассе Илью Александровича и Галину сбил грузовик, они стояли на проезжей части рядом с «Волгой». Галину Полянскую прямоком отвезли в морг, а Илья Александрович на два месяца отправился в больницу. И был суд, и были следственные действия, и водителя грузовика посадили, но всё открылось — и прошелестело противное и презрительное для той поры слово «любовники»!

Все подруги, бабушка, сестра Ирка требовали, чтобы мама развелась, но у той открылась невероятная стойкость и жёсткость, и она всем отрезала: «Отстаньте все от меня, я сама разберусь! А детям нужен отец!» Сестра Ирина в тот момент просто ушла из дома жить к своему ухажеру, с которым почти сразу они и зарегистрировались без всяких застолий и свадьбы. Бабушка, правда, сделала им свой персональный подарок, купив обручальные кольца.

За два месяца, что Илья Александрович пробыл в больнице, мама самостоятельно сумела сделать генеральную перестановку в доме. Мама перебралась к бабушке, родительская спальня превратилась в комнату Ивана Ильича, а четвертую комнату приготовили для папы, поставив туда его рабочий стол и диван.

Илью Александровича собирали по частям: переломанные лицевые кости плохо срослись, теперь он с трудом говорил, и постоянно у него текли слюни, и ходить он теперь мог только с клюшкой. Дети — и Иван Ильич, и Ирина — через день ходили к отцу. Так потребовала мама: «Если вы любите меня, то сделайте это ради меня. Если вам будет так легче, то ходите как к чужому, без общения, но ходите».

Когда Илью Александровича привезли из больницы домой, мама пришла к нему в его комнату, села на стул, помолчала и сказала:

— Живи тут. Это твой дом. Надеюсь, баб тебе больше не надо будет, а прокормить я тебя прокормлю.

Илья Александрович восстанавливался в физическом плане очень хорошо: через месяц он уже выходил на улицу, а в сентябре начал читать лекции в университете. Но что-то другое поломалось и восстановиться уже не могло. Кардинально изменилось отношение к Илье Александровичу сотрудников и коллег по работе: они прекрасно знали его Тамару, она также работала в университете; во дворе многие перестали с ним здороваться, а не то что общаться. То же произошло и с детьми. Он быстро понял, что причина не в его проступке

и не в том, что этим проступком он оскорбил Тамару. А причина в том, что Тамара Медянова важнее для людей, чем он, профессор Медянов, без Тамары.

Бабушка умерла под Новый год. Похоронили.

А через полгода умерла мама — не проснулась.

Иван Ильич ещё долго сидел в большой комнате за обеденным столом, разложив на нём фотографии из большого пакета, не вошедшие в альбомы. Вот он в деревянной коляске с деревянными колесиками — ему год! Вот он с мамой сидит в траве, а рядом две корзинки, полные рыжиков. А на последней — он со спиннингом в руке, а в другой — щука; на фото ему четырнадцать, а дальше детство кончилось.

Он взял телефонную трубку:

— Ирка, а как мне вернуть этим агентессам их сто долларов? Научи меня, придумай.

— А чего тут придумывать! Тоже мне проблема! У папки в столе, в нижнем ящике, лежат отдельные оттиски разных статей из журнала «Радиофизика», которые ему давали на отзыв или на корректуру. Возьми любую эту

брошюру, в которой он стоит как соавтор, засунь туда купюру, позвони им и отдай. Скажи, что больше ничего не нашел, и только не пускай их в дом, не пои их чаем, не кокетничай — они же как цыганки.

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в г. Горьком. Окончил

политехнический институт по специальности

«радиоинженер». Поэт, прозаик. Публикуется с 1968 года.

Автор более двадцати книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Север», «Наш современник», «Юность», «Нева», «Дружба народов» и др. Лауреат ряда литературных премий:

«Нижний Новгород» в области литературы (трижды),

им. В. М. Шукшина «Светлые души» (Вологда),

«Болдинской премии», финалист премии «Ясная Поляна».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

Указом Президента РФ награждён медалью Пушкина.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живет в Нижнем Новгороде.

